Новая область в науке о литературе

Настоящая книга — одиннадцатый выпуск научной книжной серии «Русская усадьба в мировом контексте» — продолжает исследование феномена усадьбы в русской и мировой литературе вслед за предыдущими коллективными и авторскими монографиями, вышедшими в составе серии. В ее выпусках усадьба представлена и как мировая универсалия, и как архетип русского национального жизнеустройства, принимавший различные формы на протяжении веков. Особенность данного издания в том, что здесь, с опорой на уже достигнутые результаты, предлагается постановка и разработка наиболее актуальных проблем изучения русской *литературной усадьбы* в настоящий момент. В прежних выпусках серии не раз звучала и наглядно подтверждалась мысль о том, что в литературоведении создана новая ниша, а по сути — новое научное направление, имеющее как свой предмет изучения — *усадебный* и *дачный топосы*[1], — так и соответствующий ему материал — репрезентацию усадьбы и дачи в отечественной и мировой литературе XVI–XXI вв. Данный выпуск уже исходит из осознания этого факта и ставит перед новой областью науки о литературе — изучением *литературной усадьбы и дачи* — актуальные задачи, выделяет аспекты, нуждающиеся в первоочередной разработке, намечает далеко идущие перспективы ее развития. Все это придает нашей монографии инновационный характер.

Книга состоит из трех частей, демонстрирующих результаты по главным векторам исследования литературной усадьбы — историко-

[1] О топосах см.: *Махов А.Е.* Топос // Западноевропейское литературоведение. М.: Intrada; Изд-во Кулагиной, 2004. С. 401–403; *Махов А.Е.* Топос // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Intrada; Изд-во Кулагиной, 2004. С. 264–266.

литературному, теоретико-методологическому, междисциплинарному и компаративному. Первое из них раньше специально не выделялось, однако приверженность к методологии цивилизационного подхода, заявленная нами в девятом выпуске[2], побудила обратиться к осмыслению этапов отражения *усадебного топоса* в отечественной литературе разных эпох: Московской Руси, Российской империи, Советского Союза, Российской Федерации. Принципы изображения усадьбы в эти исторические периоды различны и зависят от экономических и правовых форм вотчин и поместий, от технического развития страны, от социального состава обитателей имений, от господствующей идеологии (причем необязательно официальной — в усадьбы нередко удалялись вольнодумцы, оппозиционеры), от превалирующих литературно-художественных направлений и течений, то есть от текущего этапа стадиального развития литературного процесса. Системного изучения специфики указанных культурно-исторических периодов в литературно-усадебном аспекте пока нет — это одна из наиболее актуальных задач новой научной области, которая ставится в настоящем издании.

Своеобразие *усадебного топоса*, особенности поэтики *литературной усадьбы* в контексте сменяющих друг друга художественных направлений Нового и Новейшего времени (классицизма, сентиментализма, романтизма, натурализма, классического реализма, модернизма, социалистического реализма, магического реализма, постмодернизма) напрямую связывают ее историко-литературное изучение с теоретико-методологическим. Так что не случайно первая часть нового выпуска нашей книжной серии называется «Литературная усадьба в зеркале художественных направлений».

В первой главе этой части — «Русская усадьба в произведениях классицизма и сентиментализма: итоги и перспективы XVIII в.» — прослеживается динамика *усадебного топоса* и *усадебного мифа* в русской литературе названной эпохи от условно-риторических

---

[2] См.: *Богданова О.А.* Сотворение будущего: футурология русской литературной усадьбы // *Богданова О.А.* Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность: монография / отв. ред. М.В. Скороходов. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 460–490. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 9)

к миметическим формам в контексте предшествовавших ей (XVI–XVII вв.) и последующих (XIX–XXI вв.) периодов развития. Важно, что формирование указанных категорий происходило на почве *литературной усадьбы* Московской Руси в условиях перестройки русской культуры под влиянием мощной волны европеизации в послепетровские десятилетия. Таким образом, здесь впервые намечены контуры изучения *литературной усадьбы* в допетровское время, в условиях преимущественного тюркского, с одной стороны, и византийского — с другой, культурного взаимодействия с автохтонными славянскими и угро-финскими традициями на территории Среднерусской равнины. Забегая вперед, скажем, что в первой главе второй части монографии под названием «Детский усадебный опыт в творческой судьбе Ф.М. Достоевского» устанавливается евразийский характер усадебной застройки Москвы не только в допетровское время, но вплоть до середины XIX в., и отмечается, что русское дворянское поместье XV–XVII вв. во многом сформировалось под влиянием османского тимара[3]. Так что европеизация всей русской жизни начиная с XVIII в., в том числе усадьбы, происходила не в пустыне и не на целине, но на земле с уже сложившимся типом *усадебной культуры*, которая нам, однако, до сих пор практически незнакома. Реконструировать ее мифоидеологию и поэтику — еще одна актуальная задача будущих литературно-усадебных исследований.

В XVIII – начале XIX в. русская усадьба на свой допетровский фундамент надстроила социокультурные этажи классицизма и сентиментализма. Оба они прибавили к усадебному строю России новые черты. Если в Западной Европе классицизм дал свои блестящие плоды еще в XVII в., то в Россию он пришел в XVIII в. как феномен эпохи Просвещения. Просветительский классицизм XVIII в. прежде всего был одушевлен цивилизаторским пафосом и продолжал ориентироваться на римскую античность с ее идеалами патриотизма, воинской доблести и верности гражданскому долгу. В русском классицизме нами рассматриваются выделенные

---

[3] См.: *Нефедов С.А.* К вопросу о цивилизационном влиянии Золотой Орды и Османской империи на русские княжества // Золотоордынское обозрение. 2020. № 4. С. 753–770.

Ю.М. Лотманом горацианская и государственно-патриотическая линии в репрезентации *литературной усадьбы*; в сентиментализме — идиллический хронотоп, коннотации *рая на земле*, вдохновения и художественного творчества, ценность патриархальной семьи**.** Важнейшей категорией исследования становится *сентиментальный идеал*, воплощенный в эстетике трогательного, который лег в основу *усадебного мифа* начала XX в. Значимость художественных направлений XVIII в. для формирования русской *литературной усадьбы* увидена в следующем: если в классицизме создавалась национально-патриотическая основа *усадебного топоса* Нового времени, то главной заслугой сентиментализма стало создание *поэтосферы* для будущего *усадебного мифа* как вневременно́го идеала жизнеустройства человека на земле.

Во второй главе первой части монографии рассмотрена роль *сентиментального идеала* в русском усадебном тексте XVIII–XX вв. Причем внимание уделено в первую очередь его антропологическому аспекту: так, показано, что один из выделенных В.Е. Хализевым персонажных *сверхтипов — житийно-идиллический* — лег в основу *сентиментального идеала*, вершинной манифестацией которого стала русская *литературная усадьба* XVIII–XX вв. Однако, в отличие от западноевропейских аналогов, *идиллический хронотоп* русской усадьбы проявил устойчивость под напором последующих социокультурных процессов — разрушительных страстей в искусстве романтизма и агрессивных социальных стихий в эпоху доминирования буржуазии. Причина этого видится в соединенности русской *усадебной культуры* классического периода, с одной стороны, с европейским сентиментализмом, с другой — с отечественными христианско-православными ценностями, унаследованными из усадебной топики Древней Руси. Таким образом, мы приходим к уяснению национального своеобразия русской *литературной усадьбы* на общеевропейском фоне — как органического синтеза указанных признаков. И в пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад», анализируемой в этом ключе, нам открывается, наряду с показанным В.Е. Хализевым идиллическим началом, житийно-православный слой, позволяющий постичь глубинный смысл *усадебного топоса* в этом произведении, ранее ускользавший от исследователей.

Третья глава переносит нас в советскую эпоху, время позднего, послевоенного соцреализма, исследованного существенно меньше, чем первоначальный, и неисследованного совсем в аспекте усадебной топики. Здесь прослеживается динамика темы *усадьба и лес* в литературе XVIII–XX вв.: если раньше лес воспринимался как дикость и угроза для человека, то в XX в. — как топос спасения и духовного обновления. Соответственно и усадьба больше не противостоит лесу как космос хаосу, но становится его органической частью. В советской литературе это также связано с возвратом к древнерусскому пониманию леса как рая, то есть не тронутой человеком природы, что соотносится с традиционными райскими коннотациями усадьбы. Очищенные от барства в советскую эпоху, усадьбы-лесничества в прозе К.Г. Паустовского и Л.М. Леонова становятся апофеозом всего прекрасного на русской земле. Более того, в образах этих усадеб совмещаются древнерусские коннотации леса как рая и интенции строящегося в стране коммунизма как рая на земле. Так что в литературе послевоенного соцреализма сохраняется архетипический статус русской усадьбы как идеального жизнеустройства и национального феномена.

В четвертой главе мы касаемся традиций изображения усадьбы в литературе романтизма, воспринятых в соцреализме 1920–1940-х гг. Это прежде всего контрастность в передаче светлых и темных начал усадебной жизни, оказавшейся в зоне военных действий во время Великой Отечественной войны. Проследив развитие темы *усадьба и война* в русской литературе XVIII–XX вв., а также рассмотрев первые опыты ее литературоведческого осмысления, связанные с творчеством Л.Н. Толстого, М.М. Пришвина и К.Г. Паустовского, мы констатировали изменившуюся роль усадьбы в СССР: перестав быть территорией барства, она сохранила за собой статус «культурного гнезда», обители всего прекрасного и высокого. В этом качестве она противостоит фашистским оккупантам предельно контрастно, в соответствии с принципом *романтического двоемирия*. Таким образом, усадьба в «Повести о лесах» Паустовского не только месторазвитие национального искусства и венец русской природы, но и средоточие патриотизма, что роднит ее также с традицией классицизма XVIII в. При этом усадебные ценности продолжают передаваться новым поколениям советских людей.

Своеобразию мифоидеологии и поэтики усадьбы в контексте магического реализма на примере повести Ч.Т. Айтматова «Белый пароход» посвящена последняя, пятая глава первой части монографии. Место действия повести — лесной кордон в горах советской Киргизии — распознается и конституируется как советская лесническая усадьба в ряду своих аналогов в «Повести о лесах» Паустовского, «Русском лесе» Л.М. Леонова и др. Отличия прослеживаются в двух аспектах: временно́м (в «Белом пароходе» показана брежневская эпоха, с ростом влияния потребительской глобальной цивилизации на сознание граждан СССР) и национальном (советско-киргизское лесничество овеяно местным преданием и окружено среднеазиатским ландшафтом). *Усадебный топос* в айтматовской повести рассматривается как поле взаимодействия трех культурно-исторических ментальностей: киргизского патриархально-родового предания, позднесоветской цивилизации с ее индивидуалистическими ценностями и христианского откровения о личности. При этом национальное предание и мировая религия противостоят враждебному им потребительскому глобализму. В конце главы мы приходим к выводу о том, что советско-киргизская усадьба у Айтматова представляет собой *цивилизационный фронтир* как новую модификацию *литературной усадьбы*. Более того, эта новооткрытая модификация наверняка не раз еще встретится нам при изучении русскоязычной литературы позднего СССР и Российской Федерации в аспекте усадебно-дачной топики. Столь значимый результат получен благодаря одновременному применению к исследованию феномена усадьбы историко-литературного, теоретико-методологического и междисциплинарного подходов и их взаимному резонированию, то есть *синергии*.

Сквозным сюжетом следующей, второй части книги — «Литературная усадьба как фактор писательской биографии» — становится анализ личного усадебного опыта писателей, условий и обстоятельств его преломления в их творчестве и особенностей поэтики *усадебного топоса* в соотнесенности с конкретными биографическими фактами. В качестве примеров рассматриваются жизненные обстоятельства и эпизоды двух русских писателей разных эпох — Ф.М. Достоевского и К.А. Федина — и их творческое

преображение в ткани художественных текстов. Такая задача ставится в литературоведческом усадьбоведении впервые.

Открывает вторую часть глава под названием «Детский усадебный опыт в творческой судьбе Ф.М. Достоевского», в которой, с опорой на работы авторитетных историков архитектуры и искусствоведов, дается представление об особом — усадебном — характере застройки Москвы как древнерусского города, где и в имперскую европеизированную эпоху сохранялись патриархальные традиции и старинный жизненный уклад. Так что Москва детства Достоевского сочетала в себе древнерусские и новоевропейские усадебные реалии: европеизированное усадебно-больничное пространство, в котором жила родительская семья будущего писателя, впитало в себя основные черты усадебного жизнеустройства допетровской Москвы. Это во многом определило цивилизационную динамику творчества Достоевского — его постепенный разворот от западнической ориентации в молодости к славянофильству и «почвенному» патриотизму в зрелости.

Продолжением тематики первой главы служит глава вторая — «Усадебная память Ф.М. Достоевского конца 1830–1840-х гг. в рассказе “Маленький герой”». В отличие от других ранних, докаторжных произведений, здесь представлен не только московский усадебный опыт писателя (Даровое и Фили), но и петербургский (пейзажные парки Царского Села, Петергофа, Павловска…), а также привнесен осмысленный в «Петербургской летописи» и «Белых ночах» опыт дачи, помноженный на знакомство с московской купеческой родней. Таким образом, усадебно-дачный топос в «Маленьком герое» не автобиографический слепок, но художественное обобщение с внутренней оппозицией усадебных и дачных сегментов с разными ценностными парадигмами. Здесь впервые у Достоевского происходит онтологизация *усадебного топоса*, ставшая отличительной чертой его *усадебного текста* по сравнению с писателями-современниками. С 1860-х гг. она будет реализовываться в христианско-языческих координатах. Однако в рассказе 1849 г., написанном в тюремной камере Петропавловской крепости, эффект онтологизации в первую очередь обязан трансцендентно-романтической настроенности автора.

Третья глава второй части под названием «“Усадебный текст” Ф.М. Достоевского как научная задача» объединяет в исследовании *литературной усадьбы* у писателя «тексты жизни» и «тексты искусства»[4]. Ведь, как мы знаем, понятие *литературная усадьба* имеет два значения: с одной стороны, «это художественный образ, переходящий из творческого воображения своего творца — писателя, — в творческое восприятие другого человека — читателя, иногда отстоящего от первого на десятки и сотни лет», с другой — «конкретное эмпирическое место, где жил и творил какой-либо писатель»[5]. Взаимосвязь усадебных «текстов жизни» с последующими «текстами искусства», ее характер, приемы, с помощью которых она реализуется, — все эти вопросы обсуждаются в указанной главе. Другими словами, здесь ставится задача по созданию полномасштабного представления о *литературной усадьбе* как в биографии Достоевского, так и в его художественных произведениях, публицистике и эпистолярии. Особое внимание к Достоевскому среди других классиков русской литературы объясняется тем, что долгое время он воспринимался как сугубо городской, преимущественно петербургский писатель, а не как один из создателей *усадебного текста*, и в этом аспекте его наследие до сих пор остается малоизученным.

В последней, четвертой главе второй части мы обращаемся к личности и творчеству крупного советского писателя К.А. Федина, который после периода охлаждения начинает привлекать все больше внимания литературоведов[6]. В предлагаемой читателю монографии его роман «Санаторий “Арктур”» анализируется как художественная репрезентация *усадьбы-санатория*, в первой

---

[4] См.: *Минц З.Г.* Понятие текста и символистская эстетика // *Минц З.Г.* Блок и русский символизм. Избранные труды: в 3 кн. СПб.: Искусство-СПБ, 2004. Кн. 3: Поэтика русского символизма. С. 97–102.

[5] *Богданова О.А.* Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность: монография / отв. ред. М.В. Скороходов. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 119. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 9)

[6] См., например, недавнее издание: Константин Федин. Дневники: 1920–1935. Из литературного наследия XX века / отв. ред. Н.В. Корниенко; сост. И.Э. Кабанова; публ. Г.Н. Воронцовой, И.Э. Кабановой, Л.Ю. Коноваловой, Т.А. Кукушкиной, Е.А. Папковой, Е.М. Трубиловой. Саратов: Наука, 2025. 623 с.

половине XX в. представленная и в западноевропейской (К. Гамсун, Т. Манн, Э.М. Ремарк и др.), и в советской (Н.А. Островский, Б.Н. Полевой и др.) литературе. Нами выявлена и освещена, помимо классово-идеологической (противостояние социализма и капитализма), философско-экзистенциальная (общая с европейскими писателями) и национально-мифологическая (восходящая к *усадебному тексту* русской классики, прежде всего к Л.Н. Толстому) проблематика фединского романа. В результате исследования мы приходим к выводу о том, что основной конфликт «Санатория “Арктур”» хотя и вписывается в идейное поле социалистического реализма, но, благодаря включенности в большую литературную генеалогию, выходит за рамки соцреалистического канона и приобретает экзистенциальный и архетипический характер. Важно, что сюжет этого романа во многом основан на личном опыте писателя — его пребывании в частном санатории «Гелиос» в швейцарском городе Давосе в 1931–1932 гг. для излечения от туберкулеза. Пафос произведения также обусловлен обстоятельствами жизни автора в СССР в 1920–1930-е гг. Но особую роль в формировании эстетического идеала Федина в «Санатории “Арктур”» сыграло пребывание в толстовской усадьбе Ясная Поляна зимой 1940 г., где роман о давосской *усадьбе-санатории* дописывался и завершался. Показательно, что *усадьбы-санатории* в произведениях К. Гамсуна, Т. Манна и Э.М. Ремарка, с которыми сопоставляется фединский «Арктур», тоже стали художественной проекцией биографического опыта этих авторов.

Третья часть монографии — «Литературная усадьба в междисциплинарном контексте» — познакомит читателя с некоторыми насущными проблемами развития нашей науки. Во-первых, это приращение методологического инструментария категориями, взятыми из смежных с литературоведением сфер гуманитарного знания — социологии, истории, культурологии, искусствоведения. Так, в первой главе третьей части под названием «Литературно-усадебный тезаурус как целостность и система» для исследования *усадебного текста* художественной литературы предложен сформированный в социологии *тезаурусный метод*. В нашем случае его использование обосновано междисциплинарным характером литературоведческого усадьбоведения. Мы прослеживаем, как во-

круг тезаурусного «ядра» — категории *усадебного топоса* — формируется «периферия» из концептов, пришедших из искусствоведения, философии, риторики, истории, социологии, гуманитарной географии, краеведения, музеологии и т. д. Также утверждается целесообразность анализа усадебных *картин мира* в разные исторические эпохи в России XVI–XXI вв. — в Московской Руси, Российской империи, Советском Союзе, Российской Федерации, для каждой из которых требуются, помимо общих, особые элементы тезауруса.

Вторая глава третьей части — «Историософия усадьбы в контексте российской географии: *лес* и *степь* в творческом осмыслении Ф.М. Достоевского» — одновременно погружает нас в мир истории, географии и литературы вместе взятых. Обращение к ретроспективному методу, предложенному японским ученым Т. Кинóситой, позволяет увидеть в репрезентации *леса* и *степи* (условно Европы и Азии) в первом романе Достоевского «Бедные люди» раннее проявление его историософской концепции, полностью выраженной лишь в «Дневнике писателя» за 1880 и 1881 гг., — о важности для России не только исконных *лесных*, но и присоединенных *степных*, азиатских пространств, обеспечивающих духовную независимость от Европы. Так с помощью символического сюжета о пути своей героини Вареньки из *лесной* усадьбы — через инициацию Петербургом как воплощением имперской идеи — в *степной* простор Достоевский передает общую судьбу России, сложность и кризисность ее исторического роста и героизм евразийской миссии.

Последняя, третья глава третьей части — «Пейзаж и экфрасис в “усадебном тексте” Поленова и Тарусы» — переносит нас на окские берега эпохи Серебряного века, когда у красивейшей излучины правого притока Волги была заложена знаменитым художником В.Д. Поленовым усадьба Борок (впоследствии Поленово). Вместе с городком Тарусой, расположенным на другом берегу Оки почти напротив Поленова, они образуют усадебно-дачный кластер, сыгравший заметную роль в русской культуре XX в. В главе дается представление о пейзаже и экфрасисе в литературных произведениях и показывается возможность их совмещения в художественном пространстве *литературной усадьбы*. Анализ проводится на

основе лирических стихотворений о Поленове и Тарусе, сочиненных профессиональными и самодеятельными поэтами, тексты которых приведены в конце главы в Приложении. Таким образом, здесь перед нами пример интермедиального исследования.

Заключение к монографии призывает нас погрузить русскую *литературную усадьбу* в тысячелетнее *большое время* (М.М. Бахтин) отечественной истории, внутри которого только и могут раскрыться и ее национальное своеобразие, и мировое значение, и многоцветная семантика, вбирающая в себя усадебные традиции других народов России, связавших свою судьбу с русской государственностью и культурой, и динамика ее смыслов и форм, обусловленная изменчивостью социокультурных координат на протяжении веков. И здесь, конечно же, нельзя обойтись без цивилизационного подхода, пришедшего к нам из исторической науки, но успешно применяемого и к изучению *литературной усадьбы* в протяженной временно́й ретроспективе.

Как видим, в предлагаемой читателю книге, в целях постановки и разработки наиболее актуальных аспектов исследования *литературной усадьбы*, применен целый спектр методов и подходов: историко-литературный, биографический, ретроспективный, компаративный, цивилизационный, интермедиальный и проч. Все вместе они дают эффект резонанса, или *синергии*, усиливающей результативность каждого метода благодаря соседству с другими и в совокупности существенно превосходящей по степени воздействия арифметическую сумму слагаемых подходов.

Иллюстративный материал в настоящей монографии так же, как и некоторые ее тексты, указывает на интермедиальную составляющую проведенных исследований. Фотографии усадеб, художественные рисунки и картины, книжные иллюстрации — все это способствует объемному восприятию *литературной усадьбы* в широком междисциплинарном контексте.

Список использованной литературы в книге может служить путеводителем по актуальным аспектам и проблемам изучения *литературной усадьбы.* Тем не менее мы не ставили себе целью дать полный обзор библиографии по этой области науки в настоящем издании. Недостающие сведения можно найти на сайте проекта РНФ и в библиографических списках выпусков

1–10 книжной серии «Русская усадьба в мировом контексте»[7]. Сожалеем, если мы случайно упустили какие-либо работы исследователей, которые соприкасаются с поднятыми нами вопросами, и приглашаем всех заинтересованных коллег к научному общению.

Также предваряем чтение монографии некоторыми текстологическими пояснениями. Структура издания призвана дать представление не только о достижениях и перспективах науки о *литературной усадьбе* в целом, но и об основных векторах исследовательской работы ее автора. Поэтому содержание книги отвечает этим двум задачам: в первой части дается теоретико-литературный обзор особенностей русского *усадебного текста* в рамках сменяющих друг друга литературно-художественных направлений; две последующие части посвящены последовательному раскрытию динамики русского *усадебного текста* в биографике и междисциплинарных исследованиях; в Заключении перечислены главные из полученных результатов и обоснована необходимость изучения русской *литературной усадьбы* в *большом времени* отечественной и мировой истории.

В дополнение к целостному характеру всей монографии каждая ее глава представляет собой автономное исследование и может быть практически без ущерба для понимания прочитана выборочно. Поэтому при сплошном просмотре книги не должны вызывать удивления повторы ключевых определений и понятий литературоведческого усадьбоведения, некоторых пассажей и примеров, необходимых для создания контекста при обращении к той или иной конкретной теме.

В некоторых приводимых в монографии цитатах, включенных в исследовательский текст, изменены падежные окончания, что специально никак не отмечается с целью удобочитаемости. Также следует учесть, что, кроме особо оговоренных случаев, курсив и полужирный шрифт в цитатах во всех главах монографии принадлежат ее автору.

---

[7] См.: Сайт «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала». Библиография. URL: https://litusadba.imli.ru/bibliografiya (дата обращения: 20.08.2026); Книжная серия. URL: https://litusadba.imli.ru/bookseries (дата обращения: 20.08.2026).

В заключение приносим благодарности всем, кто способствовал появлению настоящего издания: Российскому научному фонду (РНФ), поддержавшему наш проект; администрации Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), в чьих стенах проходит его реализация; руководству и сотрудникам Отдела научной эдиции и Редакционно-издательского отдела ИМЛИ РАН, непосредственно работавшим над подготовкой книги к печати; руководству и сотрудникам музеев, в которых проводились наши научные полевые исследования, семинары и конференции, — Государственному мемориальному историко-художественному и природному музею-заповеднику В.Д. Поленова в Тульской обл., Государственному музею семьи Цветаевых в г. Тарусе Калужской обл., Мемориальному дому-музею К.Г. Паустовского в г. Тарусе Калужской обл. (филиалу московского Музея К.Г. Паустовского), Государственному мемориальному музею Булата Окуджавы в Переделкине (г. Москва), Государственному музею истории русской литературы имени В.И. Даля (ГМИРЛИ) и его филиалам в Москве и Московской обл. (музеям А.Н. Толстого, Б.Л. Пастернака, М.М. Пришвина, К.И. Чуковского), Историко-литературному музею-заповеднику А.С. Пушкина в Больших Вязёмах и Захарове Московской обл. и др.; а также многочисленным коллегам — докладчикам и гостям на наших мероприятиях, рецензентам и авторам выпусков книжной серии «Русская усадьба в мировом контексте», — благодаря которым наша деятельность обретает масштабность и превращается в актуальное научное направление. Особая благодарность — всему коллективу проекта РНФ № 22-18-00051-П «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала», слаженная работа которого создает атмосферу творческого поиска. Отдельная признательность — ответственному редактору настоящего выпуска В.Г. Андреевой за внимательное прочтение рукописи и полезные замечания.